

В Вологде?

Где?

Провинциальные прогулки двух московских снобов

...И РЕЗНОЙ ПАЛИСАД

Невеликий город — Вологда. Попробуйте припомнить, чем он знаменит? И получится у вас бесспорно, что какими-то старомодными кружевками, да маслом, да «резной палисадом». Хотя и первое, и второе, и третье скорее всего — миф. (Масло-то уж во всяком случае). А тут начальство посылает в этот город в командировку. Надо, говорит, посмотреть не то закрытие сезона, не то открытие театра.

И вот мы идем по утреннему городу искать дом №42 по Советскому проспекту, ибо там в соответствии с полученной инструкцией мы должны обнаружить Детский музыкальный театр. Ветер стряхивает с деревьев нам за шиворот остатки ночного дождя. Грузовики, правые колеса которых едут по правому, а левые — по левому тротуару Советского проспекта, стараются, во что бы то ни стало окатить нас потоками грязи. При этом они заполняют улицу какофонией дребезжащего стекла и железа. Все резные палисады в ужасе вздрагивают. Крыши у них давным-давно поехали от такой музыки. Дом 42 — один из немногих прямостоящих, потому что сложен в 1917 году из кирпича основательным вологодским купцом. На ободранном фасаде ослепительно сияет новенькая дверная ручка. Она тут — достопримечательность всей улицы. Ну что ж! Была — и была! Открываем дверь — и... Бред! Наваждение! Делаем шаг назад, на улицу. Все верно: вот лужа, вот покосившиеся палисады. Вот несется очередной грузовик. Скорее обратно! И бесмысленно зажмуриваться и протирать глаза. Все равно колонны — белые, лестница — мраморная, а перила — кружевного литья. По лестнице поднимаемся осторожно — сон все-таки. А наверху — голубой зал на восемьсот мест, и нежно-персиковая каминная для камерных концертов и выставок. И еще зеркальные балетные классы, и гримерные для мальчиков и девочек, и... и... и...

И тут директор этого заведения (не городской оперы, а детской балетной самодеятельности, которой от роду четыре года) говорит, что домишко маловат. Сорок миллионов, правда, областная администрация в ремонт вложила, кое-как теперь можно работать. Но только той надеждой питаюсь, что через пару лет областное начальство выстроит рядышком небольшой учебный корпус за три-четыре миллиарда. «Зажравшимся москвичам» шутка кажется не очень уместной. Ни одному из московских театров, у которых их стаж за плечами более десяти лет, и лауреатств на всяческих конкурсах и фестивалях не сосчитать, и зарубежных гастрольей позади — тыма, такие хоромы и не снились. Ну хочет, конечно, провинция Москва пыль в глаза пустить, но надо же и меру знать.

Только какие уж тут шутки. Театр — вот он, стоит. И проаб в кабинет директора заходит, спрашивает, как фасад красить. И заместитель главы областной администрации Евгений Александрович Парамонов в кабинет звонит — обсуждает дальнейшее строительство и грядущий смотр детских коллективов области. Из Российской академии театрального искусства письмо принесли с договором о сотрудничестве, а с вологодского завода — благотворительный взнос. И все это за какие-нибудь полчаса.

— У вас и репертуар есть! И зрители ходят!

— Есть, — говорят, — «Пер Гюнт», «Дюймовочка», а сегодня играем премьеру «Жар-Птицы» Стравинского. И зрители увидите. Пустых мест не держим. Нам это ни к чему.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Русская провинция всегда была богата театральными традициями. По ней бродили не только Аркашки Несчастливцевы и Робинзоны, но и Щепкин, и Стрепетова, и Комиссаржевская. И дореволюционная Вологда была ничем не хуже иных театральных городов. Драматическому театру тут скоро исполнился 170 лет. Были в Вологде и после революции свои театральные влеты. Тут ей особенно повезло с балетом. Во вторую мировую войну через город эвакуировали из Ленинграда труппу Маринского театра. И многие танцоры так и остались в городе. А после войны занесла сюда судьба вовсе не обыкновенного человека. Русский по происхождению балетмейстер Макс Миксер работал до этого на Бродвее, а большую часть жизни в Париже. Ставил танцы в труппе Эдит Пиаф. И вот в пятидесятых годах из осколков Маринской труппы создал балетный театр в Вологде. Тут уже возникает прямая связь с нашей историей. Потому что спектакли этого театра видела одна девочка — Светлана Ивойлова и один молодой человек — Юрий Загрядкин. И совершенно не исключено, что в том числе под

влиянием этого театра она страстно полюбила балет, а он — классическую музыку. Знать они тогда друг друга не знали, учились и работали потом в разных городах. Но прошло время — и оба они снова оказались в Вологде.

ВЕРСИЯ СВЕТАНЫ ИВОЙЛОВОЙ О СОЗДАНИИ ДЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА:

— Танцевала я в Харькове, в Горьком и в Москве. Ну а потом возраст пришел — пора на пенсию. Я всегда знала, что свяжу свою жизнь с педагогикой. Думала, конечно, работать репетитором в театре, а не вести кружок у шестилеток. Оказалось же, что никому я в этом городе не нужна. «У нас тут, — говорят, — самодеятельность, и профессионализм ваш ни к чему». Насилу пристроилась в клуб. Думала — перебыть годик и найду что-то получше. Но когда начала работать с детьми, вижу — и то могут, и это могут, могут что-то такое, чего не могут взрослые. И тогда я поняла, что сделаю здесь детский балетный театр, чтобы дети узнали и пережили Глинку и Грига, Чайковского и Стравинского, Гуно и Делиба. А раз уж я что-то решила — меня не остановишь никакими силами.

ВЕРСИЯ ЮРИЯ ЗАГРЯДКИНА:

— Я работал в областной филармонии. А Евгений Александрович Парамонов заведовал областным отделом народного образования. И надо было на рождественские каникулы сделать для детей программу о балете и классической музыке. Почему-то нам показало, что дети в этой программе будут смотреться интереснее, чем взрослые. Пригласили Светлану Георгиевну с ее коллективом. И я впервые увидел ее и ее учеников. Она fyrчит на всех, сердится — никто в балете ничего не понимает и с детьми работать не умеет. А им по шесть, по восемь лет. И танцуют они дивно. И линию держат, и характер, и даже какими-то элементами высокой техники владеют. Ивойлова творит с ними чудеса. Педагог она исключительный. Но что бы ее коллектив мог жить, нужен директор: организатор и хозяйственник. А какой же директор захочет, чтобы его каждый день ослом величали? Это ж какое надо иметь терпение! Я долго думал, но понял, что этого никто не выдержит, и решился. Парамонов взял балет под свое крыло в клуб профтехобразования, ну а потом помог своим домом обзавестись.

Спрашиваем директора и балетмейстера: «Так что же судьба вашего театра — чистая случайность?» — «Если, — говорят, — не считать нашей пробной силы и того, что Евгений Александрович Парамонов — глубокий, умный человек, влюбленный в музыку и балет, — конечно, случайность». Однако в воздухе витают очень простые вопросы:

— Каково население Вологды?

- Около 300 тысяч.
- А в Москве!
- Около 10 миллионов.
- Сколько в Вологде школ?
- Около тридцати.
- А в Москве!
- Около полутора тысяч.
- Сколько в Вологде театров?

— Около десяти. (Среди них областная драма, студии «Зеркало» и «Аквариум», балетная труппа, Тюз, кукольный театр. И это, не считая детской и взрослой филармонии, а также крупных любительских коллективов).

— А в Москве!

— Со всеми студиями театров насчитается около 200. Из них детских около десяти.

Разгулявшийся в голове арифмометр констатирует, что в Москве театров на душу населения в 16 раз меньше, чем в Вологде, а если говорить о детских театрах, то их меньше в 66 раз. Впечатляющая случайность? Нет, тут дело в другом. Провинция имеет перед Москвой два трудно оспоримых преимущества: обзорность и, скажем так, дискретность. И рад бы городской голова собластиться московскую пропорцию театров на душу населения, да не получается. Ведь одну шестнадцатую или тем более одну шестидесятую шестую часть театра никак не построишь. Это уж даже не сельский клуб с танцами и кино будет, а даже трудно вообразить, что такое. Да ведь нынче-то и клубом уже не прославиться. А прославиться надо. Не для себя даже, а для пользы, так сказать, Отечества. Прошло время, когда Москва обо всех думала или не думала и блага между малыми городами распределяла или не распределяла. Теперь самим о себе надо заботиться. И так заботиться, чтобы город твой не только ближнему, но и дальнему зарубежью известен был. Иначе какая же торговля и всеобщее процветание? Надо, значит, по петровскому примеру, окно в Европу рубить. Ну а для этого, как из-

вестно, приходилось Петру не только корабли и крепости, но и театральную хоромину построить, чтобы перед Европой-то не срамиться. Хотя все топором, конечно, Тут никто не спорит. Другим инструментам Россия вовек не доверяла. Потому квартиры не только молодым педагогам детского музыкального театра, но и самой Светлане Ивойловой город не дает — за искусство, мол, страдать положено. Ну а Парамонов Евгений Александрович — по прежнему-то меркам — самое обычное явление — земский интеллигент.

«ОНИ ПОНИМАЛИ И СКВОРЦА, И ВЕТЕРА...»

Посмотрим, что же они все-таки танцуют. «Пер Гюнт» — и мы смотрим любительские пленки. И на них старый — престарый концерт и спектакль, который идет давно. А вечером в театре — «Жар-Птица». Действительно, доступных детям элементов танца не так уж много, и потому они довольно часто повторяются, создавая ощущение однообразия, особенно в постановке характерных номеров. И есть на сцене смешные толстушки и совсем негнущиеся куколки. Но... но... но... С восьмилетним зрителем, который после спектакля сказал: «А теперь хорошо бы сначала», — мы тоже, в общем, согласны. Хочется вдохнуть, набрать полную грудь и не выпускать то ощущение легкого, свободного и глубокого дыхания, которое переливается со сцены в зал. Об этом не скажешь — слова безобразно тяжелы.

Мы начинаем, кажется, понимать, зачем Ивойловой и Загрядкину понадобилось создавать детскую балетную труппу. Нет-нет! Дело не в ущербном желании самореализоваться через детей и не в ложном просветительском пафосе. Здесь — другое. И это «другое» мы постепенно нащупываем и облекаем в слова в ночном разговоре с балетмейстером.

Светлана Георгиевна, несмотря на свой жесткий характер, откровенно склонна к романтике. А романтика в современном взрослом театре достаточно условна. Профессиональный балет двадцатого века тяготеет к психологизму и модерну. Сегодняшнему взрослому человеку практически невозможно воплотить романтику буквально, не преломляя ее сквозь призму рефлексии скептического сознания. Для детей же высокая романтика — мир безусловный. Танец позволяет детям реально прорваться в мир, лишенный земного притяжения, о котором все мы с особой силой грезим в эти годы. В мир духов и эльфов. И тело ребенка в танце оказывается адекватно этому миру. Разумеется, духовные и физические возможности танцоров не равны. И не случайно зрители и крошечные артисты кордебалета выделяют среди всех исполнителей Иру Самодурову (двенадцатилетнюю Жар-Птицу) и Диму Пилипенко (двадцатидвухлетнего Кашея Бессмертного, который в 18 лет станцевал Пер Гюнта и в двадцать — Крота в «Дюймовочке»). И все-таки балеты Ивойловой поставлены не на отдельных «звездах». Они поставлены на уникальный ансамбль. И они цельны.

Аншлаговый зал на восемьсот мест аплодирует стоя. Пять раз вызывают маленьких танцовщиков на поклон. Это миг их счастья, их триумфа. И, конечно, им сейчас не восемь и не тринадцать лет. У них сейчас нет ни веса, ни возраста. Но закроется занавес. Будет смут грим и сняты костюмы. И время вступит в свои права. Тогда-то встанет в полный рост извечный вопрос театра, где играют дети: «А что дальше?» Что будет потом, когда не позволят танцевать изменившаяся фигура, недостаток таланта или житейские обстоятельства? И где гарантия, что чудовищная балетная нагрузка или репетиционные травмы не изуродуют тело? И нет ответа. И нет никаких гарантий.

Спрашиваю восьмилетних балерин: «Знаете ли, что ждет вас дальше?». Говорят: «Знаем». Спрашиваю одиннадцатилетних. Говорят — знаем. Спрашиваю тех, кому шестнадцать. Говорят: «Знаем и очень хорошо». Спрашиваю: «И что?» Говорят: «Есть педагогический институт и в нем много факультетов — от музыкального до математического». А на самом деле ничего они, конечно, не знают, как никто заранее не знает о том, когда и, главное, как — внезапно, четко и бесповоротно окончится его детство...

Ну вот и все. В нас еще звучат музыка Стравинского, грохот грузовиков, голоса зрителей и голоса танцовщиков. Мы все еще цепляемся глазами за деревянные заборы и ржавые баркасы у реки. Но Вологда кончается. И столичным снобам пора уезжать, и остается только немного позавидовать тем, кто остается здесь.

А. НИКИТИНА,
М. РОТИН.

ВОЛОГДА — МОСКВА.